

Е. А. АЙБАБИНА, О. И. НЕКРАСОВА (СЫКТЫВКАР)

НАИМЕНОВАНИЯ ДОМОВОГО В ДИАЛЕКТАХ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА*

Abstract. Designations of House Spirits in the Dialects of Komi-Zyrian

The paper provides linguistic analysis of more than 40 mythonyms denoting the house spirit in the Komi-Zyryan language. Among the analyzed names both original lexical units (separate lexemes and phrases) and those borrowed from Russian folk dialects are presented, but the group of original names significantly prevails in quantitative terms. Methods and lexico-semantic models of the spirit nomination are revealed as compared to co-related nominative units in other Finno-Ugric languages. An interpretation of some nominative units with unclear motivation is proposed. The main source of the research material are dialect dictionaries of the Komi-Zyryan language and mythological and folklore publications on the Komi. Data from lexicographic sources of other Finno-Ugric languages, etymological dictionaries and studies on East Slavic demonology are also involved.

Keywords: Komi dialect vocabulary, mythonyms, house spirit, nomination principles, nomination models.

1. Введение

Мифонимы — важная тематическая группа лексики, отражающая духовную культуру коми. Имеется целый ряд обобщающих работ этнографов, фольклористов, в которых так или иначе рассмотрена или отражена мифологическая лексика (Плосков 1984; Конаков 1996; Holmberg 1913; Хольмберг 1998; МК и др.).

В лингвистическом аспекте демонологическая лексика привлекала прежде всего диалектологов, лексикографов, этимологов. Она зафиксирована в разных лексикографических источниках и диалектологических материалах (Wiedemann 1880; Fokos-Fuchs 1911; 1916; 1924; 1959; КЭСК; ССКЗД; СДКЯ 2012; СДКЯ 2014; КРК). Очень детально формирование образа демона и развитие значений именуемого его мифонима *куль* рассмотрены Г. В. Федюновой (2020). Несколько статей посвящены лексике, номилирующей духов природных пространств — лесного и водяного (Айбабина 2021; 2022).

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта ИЯЛИ FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Received 24 March 2023, accepted 20 March 2024, available online 10 June 2024.

©2024 the Authors. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>).

Важным элементом мифологических представлений, составляющих картину мира коми, являются домашние духи, однако изучение этой лексики начинается лишь в последнее время (Айбабина & Некрасова 2023). Цель статьи исследовать семантику, мотивы номинации домового в диалектах коми языка в сопоставлении с лексическими единицами других финно-угорских языков, русских народных говоров. Основным источником послужили диалектные словари коми-зырянского языка, статьи по мифологии и фольклору коми. Привлекались и фольклорные сборники, лексикографические источники других финно-угорских языков, этимологические словари, исследования по восточнославянской демонологии.

Как отмечается в литературе, представления о домовом у коми-зырян и коми-пермяков соответствовали представлениям о духе-хозяине дома и хозяйственных построек у русского населения. Как и у русских, «его основной функцией было обеспечение благополучия всех обитателей дома и домашнего скота» (МК 264).

Считалось, что домовый находится в избе или во дворе. Е. Л. Мадлевская отмечает, что «во многих местах на Русском Севере произошло слияние мифологических образов домового и дворового. Обычно если они противопоставлялись друг другу, то домовый отвечал за жилое пространство избы, а дворовой — за двор, где находились подсобные помещения, а также место для домашнего скота» (Мадлевская 2005 : 81). Аналогичный процесс имел место и в мифологических представлениях коми. П. Ф. Лимеров отметил, что характерное для коми традиции неразделение образов домового и хлевника, «по-видимому, связано с тем, что хлев находится в одном помещении с жилой частью дома, только на другом, нижнем, уровне» (МП 600).

Для домового у зырян имелось довольно много наименований, исконных и заимствованных из русских народных говоров.

2. Наименования, образованные на базе коми языка

2.1. Семантически диффузные наименования (используемые для номинации разных по функции демонов)

2.1.1. Б у б ы л ь, б у б ы л я вв. Рассматриваемые лексические единицы именуют домового духа в верхневычегодском диалекте (Конаков 1996 : 99; МП 407). Это наименование является и общеродовым названием нечистой силы (МП 600). В печорском и присыктывкарском диалектах номинативная единица *бубыля* обозначает буку, мифическое существо, которым пугают детей (СДКЯ 2012 : 108). В коми-пермяцком языке зафиксирована лексема *бобыль* также со значением 'домовой' (Голева 2011 : 104). В северном коми-пермяцком наречии *бобыль* обозначает бабочку (КПРС 34). В фольклоре коми-пермяков зафиксированы примеры появления духа дома в виде бабочки (Голева 2011 : 104). Может домовый восприниматься и как вероятный предок семьи (Голева 2011 : 131). В. С. Чураков отметил, что у удмуртов, как, впрочем, и у коми, существует представление о бабочке, *бубыли*, как о душе умершего предка (2007 : 59). Представление о бабочке как о душе-предке отмечено и у русских, и у других славянских народов (Фасмер 1986 : 100; СД 125).

2.1.2. *Г а ж т ö м* вс. (Грива, Койгородок, Карвуджем) сс. (Вотча, Ыб). Лексическая единица *гажтöм*, имеющая значения 'невеселый, унылый', 'мрачный, сумрачный, жуткий' (КРК 135), на Сысоле обозначает как домового, так и нечистого духа вообще (СДКЯ 2012 : 306). П. Ф. Лимеров отметил, что потенциальная опасность, исходящая от духов, порождает такие характеризующие их эпитеты, как *гажтöм* 'страшный', которые, став эвфемизмами, нередко начинают обозначать духов (Лимеров 1998 : 79—80).

2.1.3. *Ку ль м у т и* сс. (Куратово). Это композитное наименование подчеркивает принадлежность домового к демонологическим существам, к нечистой силе (СДКЯ 2012 : 766).

В КЭСК лексическая единица *куль*, обозначающая в коми языке беса, черта, сопоставляется с удмуртским *кыль*, имеющим в современном языке значение 'зараза, заразная болезнь', а также 'злой дух, приносящий тяжелую болезнь'. Предполагаемая общепермская праформа — **kul'* 'злой дух' < ф.-у. **kolja* 'böser Geist (злой дух)' (КРК 316; КЭСК 1999 : 145, 412; УРС 2008 : 374; UEW 173—174; MSzFE 243).

Второй компонент — мифоним *мути* вв. вым. (Кони) иж. печ. скр., служащий наименованием нечистой силы, злого духа, беса (СДКЯ 2012 : 949). Авторы КЭСК предположили его связь с глаголом *мутить* (КЭСК 1999 : 180). В коми диалектах данный глагол, заимствованный из русского языка в форме *мутитны*, имеет значения: 1) вым. (Весл. Кони) иж. нв. уд. 'оклеветать *кого-л.*; наклеветать *на кого-л.*; наговорить *на кого-л.*'; 2) иж. 'доносить, донести; ябедничать, наябедничать' (СДКЯ 2012 : 949). В коми литературном языке у глагола *мутитны* зафиксировано значение 'склонить, подтолкнуть (*на недоброе*); соблазнить, прельстить' (КРК 409). Можно отметить, что в русских народных говорах зафиксированы наименования нечистой силы, однокоренные с глаголом *мутить*: *мутеник, мутьяник* (СРНГ 19 : 27, 35).

2.1.4. *О лы с ь* вс. иж. печ. сс., *о лы с я* вв. (Усть-Кулом) вым. (Кони) нв. печ. скр. сс., *о л і с я* вв. уд. Лексема *олысь* (и ее фонетический вариант *о л і с ь*), образованная от глагола *овны/олны* 'жить' с помощью суффикса причастий и вместе с тем предикатных имен (*nomen agentis*) *-ысь/-ись*, имеет буквальное значение 'живущий, житель, обитатель' (Федюнева 1985 : 70). В верхнесыольском, ижемском и печорском диалектах именуется домового. С тем же значением зафиксированы номинативные единицы *олыся* вв. (Усть-Кулом) вым. (Кони) нв. печ. скр. сс. и *о л і с я* вв. уд., образованные присоединением суффикса —*a* без изменения значения основы (СДКЯ 2012 : 1072). Мифонимы этого ряда имеют внутреннюю форму 'тот, кто обитает где-либо' → 'дух, обитающий где-либо' → 'дух-хозяин места обитания'. В одной из своих работ А. Н. Грен отметил, что этот персонаж может появляться и в образе женщины «страшной наружности с совершенно черным лицом» (1924 : 34).

2.2. Наименования, характеризующие домового по месту обитания

2.2.1. *О р ч ч а* вв. 'соседний, находящийся рядом'. Мифоним сопоставим с наименованием домового *сусетка* в русских народных говорах. Его внутренняя форма не содержит указания на конкретную ло-

кализацию данного мифологического персонажа. Его локальное пространство находится рядом с человеком.

Многие обозначения домашних и дворовых духов содержат во внутренней форме указания на область их владений. Ряд наименований характеризует домового как хозяина, старшего в доме.

2.2.2. *Керкаса* букв. 'домовой'. Мифоним образован от лексической единицы *керка* 'дом, изба' с помощью продуктивного словообразовательного суффикса *-са*, который образует относительные прилагательные от именных основ с общим значением «признак по обладанию, принадлежности одного предмета другому» (Федюнева 2014 : 90). Аналог наименования *керкаса* в удмуртском языке — мифоним *гурто* < *гурт* 'дом', *-о* — суффикс прилагательного (УРС 173, 843). Может быть соотнесен также с вепским *kod'nik* (*kod'i* 'дом', *-nik* — суффикс существительных) (СВЯ 214, 729).

2.2.3. *Керка айка* вым. букв. 'дух-хозяин дома'. Лексическая единица *айка* как термин родства имеет в большинстве диалектов (вв. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд.) значение 'свекор', в вымском и ижемском — 'тесть'. На верхней и нижней Вычегде, Выми и Печоре *айка* является также наименованием злого духа, сверхъестественного существа, в удорском диалекте — доброго духа (СДКЯ 2012 : 24). В качестве компонента составных мифонимов служит обозначением духа-хозяина (МК 79), является производным от *ай* 'отец, родитель', 'самец'. Суффикс *-ка* Г. В. Федюнева рассматривает в целом как заимствованный формант, но в приведенном слове не исключает возможности его возведения к древнему финно-угорскому **kkV* (Федюнева 1985 : 104).

В эстонском языке также имеется наименование домового, образованное по модели «дух дома»: *tajavaim* (*taja* 'дом', *vaim* 'дух, призрак') (VES 541; Karotamm 1946 : 59). В венгерском языке домового — *házi szellem* букв. 'домашний дух' (OMSz 116), в финском — *kotihenki* (*koti* 'дом', *henki* 'дух') (Hiltunen 1996 : 50, 115).

В избе, судя по зафиксированным в различных источниках наименованиям данного мифологического персонажа, он мог находиться в подполье, на печи, за печью.

Рассмотрим наименования обитателя подполья.

2.2.4. *Гөбөчса* 'подпольник' < *гөбөч* скр. сс. 'подпол, подполье', *-са* — словообразовательный суффикс прилагательных (СДКЯ 2012 : 344). Данный мифоним Н. Д. Конаков приводит без указания области его распространения. Аналогом в коми-пермяцком языке является наименование домового *джоджульсь* < *джоджув* 'подполье', *-ись* — суффикс прилагательных со значением 'относящийся к такому-то месту' (МК 264; КПРС 118, 604).

2.2.5. *Гөбөчайка* уд.

2.2.6. *Гөбөчгажтөм* сс.

В качестве атрибута в мифонимах 2.2.5., 2.2.6. выступает название подполья *гөбөч*. Основные компоненты этих наименований *айка* и *гажтөм* именуют духов-хозяев места. *Гөбөч айка кранитө став олөмсө лёк синмысь* уд. (Кривое) 'добрый дух, обитающий в голбце, охраняет от сглаза всё хозяйство' (СДКЯ 2012 : 344, 24).

У удмуртов имеется наименование *губечкузё* 'подпольник' букв. 'хозяин подполья' < *губеч*, *губеч* диал. 'подполье', *кузё* 'хозяин' (УРС 169,

171, 344). В вепсском языке также зафиксировано название *karžinižand* < *karžin* 'подполье', *ižand* 'хозяин, свекор, домовый' (СВЯ 153, 182).

2.2.7. *Г ö л ö б е ч ы н о л и с ь* уд. букв. 'в подполье обитающий'. Наименование образовано по модели 'существительное ед. ч. в инесиве (*gölbëch-yn*; *gölbëch* уд. 'подполье') + причастие настоящего времени (*olisь*).

Рассмотрим мифонимы, указывающие на печь как место обитания домового. Они тоже даны Н. Д. Конаковым без паспортизации (МК 264).

2.2.8. *П а ч с а й а й к а* 'дух, обитающий за печью, запечный дух'.

Трехкомпонентный мифоним образован по модели 'существительное в основной форме (*пач*) + имя-послелог (*сай*) + существительное (*айка*)'.

2.2.9. *П а ч ч ö р с а* 'дух, обитающий на печи' < *паччör* 'верх русской печи, надпечь; лежанка', *-са* — словообразовательный суффикс прилагательных (СДКЯ 2014; МК 264). В вепсском языке домового, живущий на печи, имеет название *päčñrahkoi*, *päčñrahkõ* < *päč* 'печь', *rahkoi* — компонент наименований домового, живущего на печи, в овине (СВЯ 461).

Конкретизация владений духа заложена в наименованиях домового, обитающего в хлеву:

2.2.10. *Г и д а й к а* 'хлевник, дух хлева' < *гид* вв. вс. вым. лл. (Объячево) печ. скр. сс. уд. 'небольшой тёплый хлев (для овец, коров)', *айка* 'дух-хозяин' (МК 79, 264; СДКЯ 2012 : 24).

2.2.11. *Г и д о л ы с я* вв. 'хлевник, дух хлева' < *гид* вв. вс. вым. лл. (Объячево) печ. скр. сс. уд. 'небольшой тёплый хлев (для овец, коров)', *олыся* 'дух-хозяин' (МК 264; СДКЯ 2012 : 319; 1027).

2.3. Наименования, характеризующие домового по функции

2.3.1. *Г о р т о л ы с ь* лл. (Ношуль). Словосочетание *горт олысь* в ряде диалектов (вым. иж. лл. нв. скр. сс.) имеет значение 'домовничающий; присматривающий за домом в отсутствие других' < *горт овны* лл. (Объячево) нв. скр. уд. 'домовничать'. На Лузе служит наименованием домового: *кажнõй домын эм горт олысь* лл. 'в каждом доме есть домового' (СДКЯ 2012 : 341).

2.3.2. *К е р к а ю р к у т и с ь* вв. (Усть-Нем) сс. (Пажга) 'хозяин, опора дома'. Мифоним указывает на функцию домового как хранителя дома. *Керка юр* вв. (Вольдино) — 'верх дома, образующий скаты', *кутысь* — 'владелец, хозяин' (СДКЯ 2012 : 659, 799). *Керка кутысь*; *керка юр кутысь* — 'хозяин дома, глава семьи' (букв. 'опора дома'), а также 'хранитель дома, домового' (Плесовский 1986 : 62—63). В удмуртском языке имеется наименование *гурткуаутись* — дух-хранитель хозяйства (УРС 174). Лексические единицы *куа*, *куала* обозначают культовую постройку, святилище, место хранения священных предметов, а также летнюю кухню, *утись* — 'хранитель' (УРС 336, 335, 705). Также зафиксировано удмуртское наименование домового *коркакузё*.букв. 'хозяин дома' (УРС 320).

2.3.3. *К е р к а в и д з ы с ь* букв. 'охраняющий дом, хранитель дома' (МК 264).

В удмуртском языке тоже имеется наименование, образованное по данной модели: *юртутись* (УРС 818). В венгерском языке *a ház védőszelleme* — это 'дух, охраняющий дом' (OMSz 116), в финском — *kotihaltija* (*koti* 'дом', *haltija* 'дух-хранитель') (Hiltunen 1996 : 44, 115, 395).

2.4. Наименования по внешнему виду

Представления о внешнем виде домового раскрывают следующие эвфемизмы (МК 264):

2.4.1. *В и ж к о к а* вым. 'желтоногий' < *виж* 'желтый', *кок* 'нога', *-а* — словообразовательный суффикс прилагательных.

2.4.2. *Г ö р ð г а ч а* нв. 'в красных штанах' < *гöрд* 'красный', *гач* 'штаны', *-а* — словообразовательный суффикс прилагательных.

2.4.3. *Е д ж ы ð г а ч а* нв. 'в белых штанах' < *еджыд* 'белый', *гач* 'штаны', *-а* — словообразовательный суффикс прилагательных.

У коми-пермяков домовая носит красные сапоги: *гöрд сапöга* 'в красных сапогах' < *гöрд* 'красный', *сапöг* 'сапог, сапоги', *-а* — словообразовательный суффикс прилагательных.

По наблюдениям исследователей коми мифологии, четкого представления о внешнем виде домового духа у коми не существовало. Обычно он был невидим, но мог появиться в антропоморфном облике (старика, женщины), в виде серой кошки или собаки, в виде мохнатого комочка и т. д. (МК 265).

Красный цвет соответствует представлениям о цвете нечистой силы (МП 602). Домовой в некоторых текстах имеет красные штаны или предстает в виде маленького волосатого рыжего человечка — *гöна рыжбй морт* (МП 408). Н. Д. Конаков отметил, что «согласно коми цветовой символике, красный цвет в триаде черный — красный — белый служит связующим звеном между тьмой и светом». Когда в мифонимах имеет место цветовая символика, речь идет о духе дома, обитающем в подполье (МК 266, 264).

2.5. Наименования, отражающие женскую сущность духа

В литературе отмечается, что для севернорусской мифологии характерны представления о парном характере большинства мифологических персонажей (наличие «женских» параллелей «мужским» образам), а также о способности некоторых персонажей принимать «женский облик» (Титова 2015 : 146). Коми демониция отражает аналогичные представления.

В коми диалектах встречаются названия с основными компонентами *ань* 'женщина', *мам* 'мать' в сочетании с атрибутом, обозначающим место обитания домового, или являющимся наименованием животного, власть над которым имеет данный мифологический персонаж (Конаков 1996 : 82).

2.5.1. *Г и ð а н ь* вым. 'домовой хлева (букв. 'женщина хлева') < *гид* вв. в. вым. лл. (Объячево) печ. скр. сс. уд. 'небольшой теплый хлев для овец, телят' (ССКЗД 79), *ань* вв. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. (Гл.) 'женщина' (ССКЗД 11, 79).

2.5.2. *Ш ы а н ь* иж. 'домовой хлева (букв. 'женщина хлева') < *шы* вым. иж. уд. 'небольшой теплый хлев для овец, телят' (ССКЗД 79), *ань* вв. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. (Гл.) 'женщина' (ССКЗД 11, 79).

2.5.3. *В ө в м а м* 'дух конюшни (букв. 'конская мать') < *вөв* лл. нв. скр. уд. 'лошадь; конь, лошадиный; конский', *мам* 'мать' (ССКЗД 62, 217).

2.5.4. *М ө с а н ь* 'дух хлева (букв. 'коровья женщина') < *мөс* повс. 'корова, коровий'; *ань* вв. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. 'женщина' (ССКЗД 225).

3. Заимствованные наименования

В диалектном материале коми языка, которым мы располагаем, насчитывается 17 заимствованных наименований мифического обитателя дома, включая фонетические варианты.

В русских народных говорах распространено наименование домового *сусетка*, поскольку он проживал в одном доме с людьми (Мадлевская 2005 : 81). Этот мифоним заимствован и носителями коми языка.

3.1. *С у с е т к а* иж. уд. (Глово) и его фонетические варианты бытуют в семи диалектах: *суседка* вым. (Кони) иж., *суседко* лл. печ. сс., *суседкө* сс., *сусетко* вс. (Койгородок) лл. (Занулье, Ношуль, Объячево, Поруб, Прокопьевка) сс. (Куратово, Ыб), *сусеткө* вс. (СДКЯ 2014 : 448—449). Данная номинативная единица в коми языке может обозначать как духа-хозяина всего жилищно-хозяйственного комплекса, так и духа, обитающего в помещениях для скота (МК 264).

3.2. *Д е д, д е д-*. Широкое распространение в коми-зырянских диалектах получили заимствованные мифонимы *дед* вв. скр., *дедко* иж., *дедушко* сс. < рус. *дед, дедко, дедушко* 'домовой' (СРНГ 7 : 328, 330, 332). Е. Л. Мадлевская отмечает, что в русском языке все эти наименования отражают осмысление образа домового как старшего в доме, невидимого «хозяина» дома (2005 : 81). В некоторых произведениях коми несказочной прозы прямо указывается, что в данных наименованиях домового не актуализируется возрастная характеристика мифологического персонажа: *Дед, сійö абу кутшöмкö пöрысь, а особöй существо* 'Дед этот не какой-то там старик, а особое существо' (МП 407, 408). Можно проиллюстрировать обычные действия этого духа примерами из быличек: *дед кыö вöвлысь бурьысьсö* скр., *дедко кые вöллысь гривасэ* иж. 'домовой заплетает гриву лошади в косички'; *дед личкö* скр., *дед личке* вв. 'домовой душит'; *метсясö гиньян дедушкоыс олö* сс. (Пж.) 'домовой обитает в основном в хлеву' (СДКЯ 2012 : 404, 405). Некоторые наименования домового указывают на его власть над домашними животными: *вöд дед* вым. (Кони) — домового, обитающий в конюшне (букв. 'лошадиный дед'), *мөс дед* — домового, обитающий в хлеву (букв. 'коровий дед') (СДКЯ 2012 : 266; МК 264).

3.3. *Б а т а м к о* вс. (Кобра) < сев. рус. *батаманко, батамушко, батанушка* 'домовой, «коневого хозяин»; дворовой' (СРНГ 2 : 140—141).

3.4. *Д ө м ө в ö й* уд. < рус. *домовой*. *Мöскö пыр лямунö да, думайта да, дöмвöйыс оз любит* 'Корова моя заболела, на ногах не стоит, и подумала я, что домового ее не любит' (МП 409).

3.5. *Ж и л е ч* уд., *жы л е ч* уд. < рус. *жилец*. В литературе отмечается, что употребление лексической единицы *жилец* в качестве мифонима нехарактерно для русской традиции и встречается только на Русском Севере. П. Ф. Лимеров допускает, что в русских говорах данный мифоним является калькой коми слова *олысь* 'житель, жилец, обитатель', используемого также для обозначения духов-хозяев места (МП 599).

3.6. *Д ө м ө ж ы р н и к* уд. < рус. *доможирник* 'домосед', *доможирко* 'домосед, домовой' (СРНГ 8 : 122).

3.7. *Д ө м ө ж ы л е ч* уд., ср. рус. *доможил* 'добрый или злой дух, живущий в доме, домовый' (СРНГ 8 : 119).

3.8. *Ж и к ө р* уд. (Чупр.) < арх. *жихарь, жихорь* 'домовой' (Журавлев 2005 : 433; МП 410). При заимствовании в коми языке произошла замена $x \rightarrow k, o \rightarrow \ddot{o}$.

3.9. *Ж ы к е н я* уд. По мнению Н. Д. Конакова, слово именует хозяина житника, амбара. В СДКЯ отмечено, что рассматриваемая лексическая единица в удорском диалекте называет домового. Несколько примеров: *жыкеныя кынтас* уд. (Пучкома), *жыкеныя личкас* уд. (Пысса) 'домовой душит'; *жыкеныя нюлас кымöстö* уд. (Латьюга) 'домовой лижет лоб'; *айöлön кык кöса вöлi жыкеныяñ гердöма* уд. (Латьюга) 'домовой заплёл волосы отца в две косы'; *жыкеныя личкис — местö вежан или неприятнöсь лöб* уд. (Латьюга) (*примета*) 'домовой душит — к перемене места или к неприятности' (СДКЯ 2012 : 533).

Н. Д. Конаков связывает этот мифоним с заимствованными из русского языка лексическими единицами *житей, жыкей*, имеющими, по его мнению, в коми языке значение 'жито' (МК 265). В диалектных словарях коми языка у слова *житей* уд. отмечено только значение 'ярушник', *жытей* уд. (Важкуръя, Латьюга, Пысса, Чупрово) — 'квашеный (ячневый, ржаной, пшеничный) хлебец' (СДКЯ 2012 : 519, 535; ССКЗД 136). Нам представляется, что следует обратить внимание на лексическую единицу *жихоня*, обозначающую духа, нечистую силу. Например, беломорское наименование банника — *банна жихоня* 'банный дух, нечистая сила, живущая в бане' (Журавлев 2005 : 433). Преобразование русского наименования *жихоня* в коми *жыкеныя* вполне закономерно. При заимствовании из русских говоров в языке-реципиенте происходит замена $x \rightarrow k, o \rightarrow \ddot{o}$. Для удорских говоров характерно употребление в непервом слого перед мягкими согласными *э* вместо *ө* в других коми-зырянских диалектах (УД 15).

Рассмотренный материал показывает, что в ареальном отношении наибольшее количество заимствованных мифонимов, обозначающих домового, зафиксировано на территории распространения удорского диалекта: *дöмөвöй* уд., *дöмөжырник* уд., *дöмөжылеч* уд. (Латьюга), *жилеч* уд., *жылеч* уд., *жикөр* уд. (Чупрово), *жыкеныя* уд., *сусетка* уд. (Глотова).

Большое число заимствованных из русского языка наименований домового, с одной стороны, указывает на значительное влияние русской мифологической традиции, а с другой, по-видимому, связано с тем, что использование заимствований является одним из механизмов эвфемизации, актуальным для контактных территорий (Березович & Сурикова 2020 : 11).

4. Наименования домового в детских играх

Исследование традиционной духовной культуры коми в области детских игр и забав, в частности, игры под названиями «Вызывание домового (из голбца)» (по А. Н. Рассыхаеву), «Гөбöч айка» (по Ю. Г. Рочеву), «Гөрд гача» (по Д. А. Несанелису), выявило целый ряд обращений к домовому (Несанелис 1989; Рассыхаев 2016).

В данной работе мы не ставим задачу проанализировать все мифонимы-обращения к домовому духу, зафиксированные в работах назван-

ных исследователей. Основное внимание, по нашему мнению, следует уделить наименованиям с недостаточно ясной мотивационной базой.

А. Н. Рассыхаев отмечает, что в образе и терминологии «игрового» домового отражаются мифологические представления, схожие с «фольклором взрослых», однако обращения к вызываемому персонажу часто приобретают черты «детскости». Имеется в виду использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, приема редупликации, личных имен (Рассыхаев 2016 : 127). Исследователем выявлено много названий-обращений к домовому в детской игре. Прежде всего, это мифонимы *дед*, *суседко*, к которым присоединяются уменьшительно-ласкательные суффиксы и зарифмованные парные слова: *суседушко-братанушко* вв. (Деревянск), *соседушко-воседушко* вв. (Аныб), *дедушка-бедушка* вв. (Усть-Кулом), *дедö-бедö*, *дедушко-бедушко* вв. (Большелуг), *дедö-пöльö* сс. (Куратово, Межадор) (*пöльö* 'отец отца, дедушка'). На верхней Вычегде зафиксированы названия *пипу тойин букв.* осиновый пест' (сёла Пожег, Нижний Воч, Помоздино), *пи-пи тойин* (Пожег), *припетойин* (Керчомгя), содержащие в своем составе *тойин* 'пест'. Как отметил А. Н. Рассыхаев, компоненты *пи-пи-* и *припе-* последних двух наименований, по-видимому, возникли в результате десемантизации исходного компонента *пипу* 'осина, осиновый' (Рассыхаев 2016 : 132; СДКЯ 2014 : 121). Возможно, что на формирование фонетического облика слова повлияла бытующая как раз в верхневычегодском диалекте лексическая единица *рипи тойин*, обозначающая толкунчиков, рой мошек (СДКЯ 2014 : 289).

В ряде названий дана характеристика внешнего облика вызываемого из голбца персонажа: *шыра-каня, матушка* вв. (Дон) 'мышь с кошкой, матушка', *кос петук* скр. (Озёл) 'тощий петух', *виж кок* вым. (Весляна) 'жёлтая нога', *гöрд көсаа* 'с рыжей косой', *гöрд гача* 'в красных штанах'. В некоторых случаях домовой получает человеческое имя, которым пугают непослушных детей: *чурка Микипер* вв. (Нижний Воч) 'незаконнорождённый Никифор', *чилля Ёгор* вв. (Помоздино) 'Егор с пенисом' (Рассыхаев 2016 : 133). По всей вероятности, в последнем случае имеет место фиксация названия — результата народной этимологии. Скорее всего, это *чиле Ёгор* букв. 'коротышка Егор'. В современных коми словарях лексическая единица *чиле* отсутствует, однако она зафиксирована в словарях Ф. И. Видемана и Н. П. Попова: *tšil'e* 'Zwerg' 'коротышка' (Wiedemann 1880 : 360), *чиле* 'карлик' (Попов 1863 : 26).

Д. А. Несанелис, описывая игру "в домового", помимо рассмотренных выше, отметил наименование домового *чилеюшка* (МК 69—70). Такие верхневычегодские наименования домового, как *чилеюшка, припятой*, Н. Д. Конаков относит к не имеющим ясной этимологии (МК 265). Однако нам представляется возможным предположить, что эти наименования относятся к названиям-обращениям к домовому. Название *припятой*, может быть, стоит рассматривать как усеченное и объединить с упомянутым созвучным обращением *припетойин* < *пипу тоин* 'осиновый пест. А *чилеюшка* представляет собой уменьшительно-ласкательную форму от коми *чиле* 'коротышка'. Здесь уместно упомянуть, что в одном из рассказов, повествующем о детских играх, записанном в селе Деревянск Усть-Куломского района, информант вспоминает об игре «Силеюшко, петант (букв. 'Силеюшко, выйди)', главным персонажем которой является *Силöй-дед* (дед Силей), домовой, живущий в голбце. *Неыджыд сийö джоджти, и*

сылён киас коса 'Он невысок от пола и в руках у него коса' (МП 407, 408). По-видимому, имя собственное появилось у домового по созвучию слов *чилеюшко* и *Силеюшко*.

5. Заключение

Мифологическая лексика, обозначающая духа дома и хозяйственных построек в коми языковом пространстве, достаточно разнообразна. Можно выделить собственно мифонимы и имена-обращения (в том числе встречающиеся в детской игровой зоне). Среди анализируемых наименований представлены как исконные лексические единицы, так и заимствованные из русских народных говоров, но в целом группа исконных наименований значительно преобладает в количественном отношении.

С точки зрения морфологической структуры, мифонимы, имеющие домового, включают как однокомпонентные, так и составные (сложные) лексические единицы.

Однокомпонентные наименования в большинстве случаев являются заимствованиями из русских народных говоров. Большинство рассматриваемых названий домового — имена, состоящие из двух компонентов, два — трехкомпонентные. Можно выделить следующие структурные типы:

- 1) существительное в основной форме (ед. ч. в номинативе) + существительное (*керкаайка*, *гид олыся*);
- 2) прилагательное + существительное + суффикс *-а* (*гёрд гача*);
- 3) существительное (ед. ч. в инессиве) + причастие настоящего времени (*гёлбечын олысь*);
- 4) существительное (ед. ч. в основной форме) + причастие настоящего времени (*керка видзысь*).

Основным признаком, мотивирующим наименования домового в коми-зырянском языке, является локативная характеристика мифологического персонажа. Немногочисленные названия мотивированы особенностями внешнего облика домового, каким его представляли коми.

Анализ представленного материала позволил выявить лексико-семантические модели, используемые в процессе номинации. Двухкомпонентные атрибутивные номинативные единицы в качестве основного компонента имени демона содержат наименования духа (*айка*, *олысь*, *гажтём*), подчеркивающие его принадлежность к разряду нечистой силы. На женскую сущность духа указывают компоненты *ань*, *мам*. Большинство рассмотренных двухкомпонентных названий в качестве атрибута содержат локативные характеристики (*керка*, *гёбöch*, *пач* и др.), в составе нескольких наименований зафиксированы названия животных, на которых распространяется власть мифологического существа (*вöв*, *мöс*).

Подавляющее число номинаций домового представляют собой эвфемистические обозначения демона.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Addresses

Evgenia Aibabina

Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Center (Syktyvkar)

E-mail: ajbabina.evgenya@yandex.ru

Olga Nekrasova

Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Center (Syktyvkar)

E-mail: lesik3108@yandex.ru

Сокращения

арх. — архангельские говоры русского языка; **вв.** — верхневычегодский диалект коми языка; **вс.** — верхнесысольский диалект коми языка; **вым.** — вымский диалект коми языка; **иж.** — ижемский диалект коми языка; **лп.** — лузско-летский диалект коми языка; **нв.** — нижневычегодский диалект коми языка; **печ.** — печорский диалект коми языка; **сев. рус.** — северно-русское наречие; **скр.** — присыктывкарский диалект коми языка; **сс.** — среднесысольский диалект коми языка; **уд.** — удорский диалект коми языка.

КПРС — Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман, Коми-пермяцко-русский словарь, Москва 1985; **КРК** — Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева, Коми-роч кывчукор. Коми-русский словарь, Сыктывкар 2000; **МК** — Энциклопедия уральских мифологий I. Мифология коми, Москва 1999; **МП** — П. Ф. Лимеров, Му пуксьом — Сотворение мира, Сыктывкар 2005; **СВЯ** — М. И. Зайцева, М. И. Муллонен, Словарь вепского языка, Ленинград 1972; **СД** — Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Том 1. А–Г, Москва 1995; **СДКЯ 2012** — Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева, Словарь диалектов коми языка 1, Сыктывкар 2012; **СДКЯ 2014** — Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева, Словарь диалектов коми языка 2, Сыктывкар 2014; **СРНГ 2** — Словарь русских народных говоров 2, Ленинград 1966; **СРНГ 7** — Словарь русских народных говоров 7. Ленинград 1972; **СРНГ 8** — Словарь русских народных говоров 8, Ленинград 1972; **СРНГ 19** — Словарь русских народных говоров 19, Ленинград 1983; **УД** — В. А. Сорвачева, Л. М. Безносикова, Удорский диалект коми языка, Москва 1990; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Ижевск 2008; **OMSz** — L. Gáldi, P. Uzonyi, Orosz-magyar szótár, Budapest 2000; **VES** — Vene-eesti sõnaraamat I, Tallinn 1984.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабина Е. А. 2021, О некоторых наименованиях лесной нежити в диалектах коми языка. — Известия общества изучения Коми края. Вып. 2 (21), Сыктывкар, 5–9.
- — 2022, Наименования водяного духа-хозяина в диалектах коми-зырянского языка — LU LVIII, 307–314.
- Айбабина Е. А. & Некрасова О. И. 2023, Наименования духов бани в диалектах коми-зырянского языка. — Вестник угроведения. Т. 13, № 1 (52), 7–14.
- Березович Е. Л. & Сурикова О. Д. 2020, Наименования нечистой силы в русских проклятиях. — Вестник Томского государственного университета. Филология, № 67, 5–27.
- Голева Т. Г. 2011, Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков, Санкт-Петербург.
- Грен А. Н. 1924, Следы демонизма у зырян. — Коми му, № 7–10.
- Журавлев А. Ф. 2005, Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», Москва.
- Конаков Н. Д. 1996, Традиционное мировоззрение народов коми. Окружающий мир. Пространство и время, Сыктывкар.
- Лимеров П. Ф. 1998, Мифология загробного мира, Сыктывкар.

- Мадлевская Е. Л. 2005, Русская мифология. Энциклопедия, Москва.
- Несанелис Д. А. 1989, Старинная игра детей коми «гörd гача»: опыт семантического анализа. — Генезис и эволюция традиционной культуры коми, Сыктывкар (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 43), 80–89.
- Плесовский Ф. В. 1986, Коми кывтэчасъяс, Сыктывкар.
- Плосков И. А. 1984, Названия мифических персонажей коми фольклора. — Вопросы лексикологии и словообразования коми языка, Сыктывкар (Труды ИЯЛИ. Вып. 31), 130–147.
- Попов Н. П. 1863, Учебник зырянского языка или практическое руководство для зырян легчайшему изучению русского языка, Санкт-Петербург.
- Рассыхаев А. Н. 2016, Вызывание домового в детской игровой традиции коми. — SATOR 17. Фольклористика Коми: исследования и материалы, Тарту, 127–144.
- Титова О. Ю. 2015, Ареальное исследование мифологических представлений русских Центрального Черноземья. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Москва.
- Фасмер М. 1986, Этимологический словарь русского языка. Т. I, Москва.
- Федюнева Г. В. 1985, Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке, Москва.
- 2014, Коми отглагольные прилагательные с суффиксом *-са* в контексте волжско-камских языковых контактов. — Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 2 (18), Сыктывкар, 89–94.
- 2020, Коми мифоним *куль* «черт» в контексте этноисторических контактов на европейском северо-востоке России и в Зауралье. — Вестник угроведения. Т. 10, № 1, 178–186.
- Хольмберг У. 1998, Водяные божества зырян. — Арт, № 1, Сыктывкар, 104–113.
- Чураков В. С. 2007, Удмуртские традиционные верования в свете некоторых лексических реконструкций. — Иднакар 1 (1), 51–64.
- Fokos-Fuchs, David Raphael 1911, Eine Studienreise zu den Syrjänen. — KSz XII, 229–260.
- 1916, Eine Studienreise zu den Syrjänen II. — KSz XVI, 84–101.
- 1924, Beiträge zur Kenntnis des Volksglaubens der Syrjänen. — FUF XVI, 237–274.
- 1959, Syrjänisches Wörterbuch II, Budapest.
- Hiltunen, Arnold 1996, Suomi-Venäjä-Suomi taskusanakirja, Porvoo—Helsinki—Juva.
- Holmberg, U. 1913, Die Wassergottheiten der finnisch-ugrischen Völker, Helsinki (MSFOu XXXII).
- Karotamm, Nikolai 1946, Vene-eesti sõnaraamat, Tartu.
- Wiedemann, Ferdinand Johann 1880, Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register, St. Petersburg.

JEVGENIA AIBABINA, OLGA NEKRASOVA (Söktövkär)

SÜRJAKOMI MURRETE MAJAVAIMUNIMETUSED

Töös on analüüsitud rohkem kui 40 sürjakomi majavaimunimetust. Nende hulgas on nii komi oma päritolu sõnu, mis moodustavad kõige suurema rühma, kui ka vene murretest laenatud. Nimetamismooduste ja leksikaalsete ja semantiliste mudelite väljaselgitamisel on võrdlusmaterjali leitud teistest soome-ugri keeltest. Ainetiku peamiseks allikaks on peale sürjakomi murdesõnastike ka komi mütoloogia- ja rahvaluuleväljanded.